

женіи цѣлой страницы (491—492) — но мы боимся утомить читателей и загромоздить нашу замѣтку слишкомъ длинными цитатами. Достаточно и того, что въ *пяти* фразахъ, слѣдующихъ одна за другою, повторяется до пресыщенія одна и та же мысль, вовсе не сложная и не нуждающаяся въ широкораспространенномъ развитіи. Быть можетъ, эта шумиха фразъ производитъ на кого-либо оглушающее впечатлѣніе; быть можетъ, она является для кого-либо тѣмъ рядомъ капель, который пробиваетъ камень *non vi, sed saepe cadendo*—но дарованіе автора нельзя измѣрять дѣйствіемъ его на читателей такого рода. Сжатость, какъ истинный источникъ силы, служить отличительной чертой всѣхъ дѣйствительно великихъ публицистовъ.

Стараясь опредѣлить, по возможности спокойно и безпристрастно, значеніе Каткова, мы вовсе не хотимъ закрывать глаза на лучшія стороны его дѣятельности. Намъ пріятно, поэтому, привести слѣдующій отрывокъ изъ письма его къ С. Н. Фишеръ (основательницѣ единственной женской гимназіи, гдѣ введено обученіе обоимъ древнимъ языкамъ), напечатаннаго недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 242). „Женщина,—пишетъ Катковъ (1-го іюля 1872 г.),— по существу своему не умалена отъ мужчины; ей не отказано ни въ какихъ дарахъ человѣческой природы, и нѣтъ высоты, которая должна оставаться для нея недоступною. Наука и искусство могутъ быть открыты для женщины въ такой же силѣ, какъ и для мужчинъ... „Нечего опасаться,—прибавляетъ онъ годъ спустя, — основательнаго образованія и стѣснять его предѣлы. Пусть женщина идетъ здѣсь наравнѣ съ мужчиной... Истинно образованная женщина, способная восполнить мужское дѣло и въ умственномъ трудѣ, не можетъ не стать истиннымъ благомъ для той общественной сферы, гдѣ она появится“. Условіе для допущенія женщины къ высшему образованію Катковъ ставилъ только одно: среднее образованіе, равное мужскому. Съ его точки зрѣнія это требованіе было совершенно послѣдовательно и нисколько не уменьшаетъ цѣнность его взгляда на женское образованіе. Пусть друзья покойнаго писателя отыщутъ между его письмами побольше такихъ, какія огласила госпожа Фишеръ—они окажутъ этимъ его памяти гораздо большую услугу, чѣмъ попытками поставить его имя наряду съ именами Ломоносова и Пушкина (!), возвести его на степень „печальника и молитвенника предъ Господомъ за землю русскую“—или разъяснять его значеніе отрокамъ и дѣтямъ. „По почину попечителя виленскаго учебнаго округа, —читаемъ мы въ „Новомъ Времени“ (№ 4152),—въ учебныхъ заведеніяхъ округа между учащими и *учащимися* собираются по подпискѣ деньги на серебряный вѣнокъ, который будетъ возложенъ на могилу М. Н. Каткова“. Мы рѣшительно отказываемся вѣрить этому слуху. Подписки по почину начальства едва ли допускаются между